

Грохот!

- ВОЗЬМИ ЭТО, УБЛЮДОК!"

- только для того, чтобы, по-видимому, просчитаться во времени, которое ей потребовалось, чтобы прийти в себя, как мне стало ясно, когда она подбежала ко мне, схватила меня за руку и раздавила броню своими пылающими руками.

Я уже чувствую, как моя рука начинает гореть из-за откровенно удивительного количества тепла, исходящего от рук женщины, поэтому я быстро ударяю бронированным кулаком по своей свободной руке прямо в ее живот, поднимая ее с ног и отправляя ее через расплавленный асфальт пирса в одну из автомобильных аварий, ее руки отрывают часть обшивки, когда она летит.

Не недооценивая ее снова я прицеливаюсь катушечным лазером в моей неповрежденной руке спасенной от Флотской модели и открываю огонь-

Хлоп!

- только для того, чтобы искореженная дверца машины врезалась мне в лицо с такой силой, что треснул шлем.

Однако она не осталась невредимой, так как теперь у нее не хватает всего ниже локтя на левой руке. Видя, что это явно вызывает что-то внутри нее, потому что она испускает полный горя вопль боли, прежде чем броситься на меня, как дикий зверь.

Не имея возможности использовать большую часть своего оружия на таком близком расстоянии, я вместо этого перекидываю свою руку с нее на спотыкающуюся фигуру Киллиана (Экстремис действительно удивителен, так как, по-видимому, массивные отверстия в его животе уже покрылись струпьями) и пригвождаю его сзади, почти оторвав одну из его ног.

А потом я снова сосредотачиваюсь на женщине, когда она врезается в меня, заставляя меня пошатнуться, несмотря на мой почти тонный вес, прежде чем она пинает меня в живот с такой силой, что пламя вспыхивает от удара.

Если бы я все еще был базовым человеком, то этот удар, вероятно, прикончил бы меня прямо там, в доспехах.

А так я немедленно отвечаю ей ударом коленом в грудь, чувствуя, как под моим могучим ударом ломаются ребра (хотя жар почти обжигает мою кожу, и я слышу, как хрустят ее кости).

В своей ярости берсерка женщина, кажется, даже не замечает тяжкого ранения и вместо этого обрушивает шквал ударов ногами и одной оставшейся рукой. Из-за ее гибкой формы и большей

скорости я вынужден блокировать большинство ударов вместо того, чтобы уклоняться от них, и чем дольше продолжается ее атака, тем жарче она становится, некоторые части моей брони приобретают опасное тусклое свечение металла, который нагревается.

В то время как ее гнев поставил меня на задний план, он также дал мне преимущество. С таким количеством тепла, которое она испускает, удар по мне гораздо менее эффективен, чем если бы она попыталась схватиться со мной, так как тогда передача тепла была бы намного легче, и она могла бы просто поджарить меня внутри моей брони.

Конечно, в тот момент, когда я думаю об этом, все начинает идти не так.

Когда я сам наношу удар, женщине удается увернуться, схватить меня за руку оставшейся рукой, поставить ногу на одно из моих колен и оттолкнуться, подтягиваясь надо мной-

- ГОРИ, ПРИДУРОК! Гори!"

-и точно так же она обвила обе ноги вокруг моей шеи, где моя броня тоньше всего.

Я уже чувствую, как горит моя кожа, в то время как тонкая электроника в моем костюме начинает выходить из строя. В этот момент я паникую, и в отчаянии я протягиваю руку, хватая ее за бока достаточно сильно, чтобы на самом деле вонзить свои бронированные пальцы в ее плоть (и обжечь руки из-за этого), И вбиваю ее изо всех сил в землю достаточно сильно, чтобы оставить кратер.

Несмотря на то, что я слышал, как ломаются ее таз и ребра, она не ослабляет хватку, и исцеление только усиливает жар.

Я впадаю в отчаяние, тем более что чувствую, как мои мысли начинают тускнеть, несмотря на невероятную боль, в которой я нахожусь. Мне нужно избавиться от нее, пока она буквально не расплавила мой мозг. К сожалению, я слишком далеко зашел, чтобы действительно иметь план (я просто встаю на дыбы и снова сбиваю ее с ног, и хотя она издает крик боли, она не сдается), поэтому я позволяю своему инстинкту взять надо мной контроль.

Мое тело явно быстрее соображает, чем я, поскольку оно сразу же решает, что, поскольку борьба не сработала, полет-это путь доблести (или, может быть, не доблести, но, по крайней мере, выживания, что в любом случае гораздо важнее доблести), и прежде чем я действительно понимаю, что делаю, я активирую репульсоры в ногах и спине и взлетаю со взрывом, который почти выбивает сумасшедшую женщину, держащую руки у меня на горле.

Почти, но почти недостаточно.

Однако удар в одну из толстых колонн кранов, стоящих на пирсе оказывается, делает свое дело.

Наверное, потому, что на этот раз я услышал, как ее позвоночник превратился в щепки.

Высвободившись из ее разбитого тела, я срываю шлем, с благодарностью глотая свежий, сырой воздух, что чувствую впервые в жизни. Удивительно, но даже с практически отсутствующим позвоночником женщина все еще жива, глядя на меня буквально горящим взглядом, полным ненависти.

- Ты ... правда... должна умереть." Я задыхаюсь, прежде чем схватить ее голову своей изуродованной рукой, моя перчатка закрывает ее лицо.

На мгновение я вижу, как один из ее глаз тревожно смотрит сквозь мои пальцы, но затем вой репульсора усиливается, и я отвожу взгляд. Я продолжаю стрелять, пока не перестану чувствовать, как она борется, а запах жареной плоти становится невыносимым.

Я отпустила ее голову (решительно игнорируя то, как она цеплялась за металл моей перчатки) и направилась обратно к тому месту, где я устроила засаду Киллиану, заставляя себя не оглядываться.

Когда я добираюсь до машин, я вижу, что Киллиан действительно способен снова ходить, хотя повреждения, кажется, достигают его, поскольку он часто падает, и, похоже, у него больше нет чувства равновесия, он не слышит, как я приближаюсь к нему сзади.

Единственный кто остался, с которым мне не пришлось бороться, лежит в нескольких футах от того места, где я его оставил, очевидно, пытаюсь оттащить себя от опасности одной рукой и обрубками, которые растут из того, что осталось от его ног. Он слышит, как я приближаюсь, и издает сдавленный крик страха, но, похоже, Киллиан действительно потерял слух, так как не подает никаких признаков того, что даже услышал мольбу своих товарищей о помощи.

Когда я стою рядом с поверженным субъектом Экстремиса, он смотрит на меня со смесью наполненного слезами страха и разжигаемого ненавистью гнева. Я почти ожидаю, что он будет молить о пощаде или попытается бороться со мной даже в его состоянии, но он, кажется, смирился со своей судьбой, так как все, что он делает, это плюет мне под ноги, прежде чем он впивается взглядом в мое открытое лицо.

-Тогда давай, ублюдок. Покончи с этим! Давай, сделай это! Делать!"

Я снес ему голову, прежде чем он смог продолжить.

В оцепенении, усталый, обожженный и страдающий от боли, я пробираться туда, где Киллиан снова упал лицом на все еще горящий асфальт. Я не утруждаю себя ни фразой, ни умным хвастовством, ни даже монологом о том, какой я умный и каким сильным стану с Extremis.

Я вообще ничего не говорю, просто открываю отсек в потрепанной обшивке брони на моем

торсе, достаю шприц (один из многих, большинство из которых сломаны. Вот почему я принес так много) и без церемоний воткнул его в шею Киллиана.

Чтобы усмирить Экстремис, не дать Киллиану вырваться на свободу и убить меня, пока Штейн пытается исправить сыворотку, я дал его организму что-то, с чем можно бороться.

Прививку от гриппа.

Ну, что-то покрепче прививки от гриппа, но работает она по тому же принципу.

Я дал ему комбинацию всех вакцин, которые мы со Штейном могли достать, малярию, полиомиелит, оспу, мы поместили их в бутылку.

Давая ему по существу кастрированные версии болезней, я удостоверяюсь, что случайно не убил его, а также удостоверяюсь, что он не сможет восстановить слишком много своей силы. Очень вероятно, что Экстремис (буквально) сожжет болезни, но к тому времени Штейн, вероятно, получит все, что ему нужно, из тела Киллиана.

Почти сразу жар, исходящий от Киллиана, начинает уменьшаться, в то время как яркое свечение на животе и коленях начинает тускнеть, втягивается "внутрь", так сказать. Он издает жалобный протестующий стон, но выстрел из танковой пушки, управляемых ракет и спирального лазера явно дал о себе знать, и он падает без сознания.

Подняв его обмякшее тело, я перекидываю его через плечо и активирую свои репульсоры (мой слух улавливает приближающиеся сирены) и взлетаю до того, как власти, Щ. И. Т. или герой могут появиться, пробираясь к моему логову (блоку хранения) окольным путем, который, надеюсь, сбросит любые хвосты, которые я мог бы подобрать.

В общем, моя засада на Киллиана заняла примерно десять минут.

Позади меня кран, в который я врезался, рушится с мучительным стоном искореженного металла.

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1236395>